

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

УДК 930.2:94(470)"16/17"

ВСПОМИНАЯ ОБ УЧИТЕЛЕ...

К 90-летию со дня рождения А.А. Преображенского

Никитин Н.И.¹

REMEMBERING ABOUT A TEACHER...

On the 90th anniversary of the birth A.A. Preobrazhensky

Nikitin N.I.¹

¹*Никитин Николай Иванович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Москва, 117036, Российская Федерация.*

Nikitin Nikolai Ivanovich, Candidate of Science (History), a leading researcher at the Institute of Russian History RAS. Dmitriia Ulianova str., 19, 117036, Moscow, Russian Federation.

© **Н.И. НИКИТИН**

С Александром Александровичем Преображенским я впервые встретился в конце ноября 1970 г. после своего зачисления в аспирантуру Института истории СССР АН СССР. От роду мне тогда было всего 24 года – это возраст, когда первые впечатления ещё достаточно ярки и сильны, долго не изглаживаются из памяти. Какое же впечатление произвёл на меня при первой нашей встрече А.А. Преображенский, в те годы уже признанный, авторитетный учёный, год назад блестяще защитивший докторскую диссертацию?

Он поразил меня, вчерашнего студента, прежде всего своей простотой, «демократичностью» и вместе с тем –

интеллигентностью и уважительным отношением к собеседнику. Наша беседа, проходившая во второй, «маленькой» комнате сектора феодализма, помнится, сильно затянулась. Александр Александрович уже всё, кажется, обо мне узнал, но, тем не менее «не отпуская», в разговоре стали возникать неловкие паузы, и вдруг я понял их причину: моему научному руководителю было неловко прекращать разговор первым. ... Такой деликатности по отношению к своей персоне я по причине тогдашнего своего статуса, конечно же, не ожидал.

Поразил меня Александр Александрович тогда и своей эрудицией, в частности хорошим знанием тех архивных материалов, которые легли в основу моей дипломной работы, и которые я намеревался использовать для написания кандидатской, пребывая в наивной уверенности, что, кроме меня, их никто толком не знает. После этой нашей встречи я сразу понял, как мне повезло с научным руководителем, и с тех пор ни разу не пожалел, что судьба меня свела именно с ним.

Что отличало Александра Александровича как научного руководителя?

Во-первых, это, конечно, высокая требовательность к качеству работы, сочетающаяся, однако, с предоставлением аспиранту полной самостоятельности в решении исследовательских задач. Никаких жёстких, изматывающих душу графиков, что для меня было особенно важно: терпеть не мог (и не могу до сих пор) детального планирования чего бы то ни было, потому как жизнь (во всяком случае, моя) всегда вносила и вносит в жёсткие планы и графики свои не менее жёсткие коррективы.

Во-вторых, это умение своевременно дать нужный, мудрый совет в сложных ситуациях. Помню, когда я стал «тонуть» в материалах ЦГАДА, обрабатывая их по старой, ещё студенческих лет, методике, он посоветовал мне использовать другую методику и тем самым вывел из «источниковедческого тупика».

В-третьих: никакого навязывания своих точек зрения, своего видения решения проблем, никакого давления. Более того, с Александром Александровичем можно было спокойно подискутировать и даже убедить его в своей правоте (и такое у нас бывало). Уважительное отношение к ученикам было естественным для него, как и постоянная готовность помочь им в трудную минуту не только советом, но и действием. А у меня

такие «минуты» начались сразу же после зачисления в аспирантуру.

Надо отметить, что положение аспирантов в нашем Институте (как, наверное, и в других академических институтах) отличалось известной спецификой. Если в ВУЗах, и в частности на истфаке МГУ, где я провёл пять счастливейших лет жизни, аспирант это «почти преподаватель» с соответствующим отношением к себе хотя бы студентов, то в Институте истории СССР АН СССР аспиранты находились на самой низшей «ступени социальной лестницы» (даже научно-технические сотрудники стояли выше, ибо были уже в «штате»), и с ними, как правило, особо не церемонились, что я очень скоро почувствовал и на себе.

Когда встал вопрос об утверждении темы моей диссертации, то, вопреки предварительным договорённостям с Л.В. Черепниным (заведующим сектором феодализма) и всем моим планам и замыслам, некоторые наши коллеги попытались волевым решением «переориентировать» меня не только на другую тему, но и на другую эпоху, и моя судьба как исследователя повисла на волоске. Я помню, как убедительно и твёрдо Александр Александрович отстаивал и отстоял мой выбор – и на заседании нашего сектора, и на Учёном совете, где, как я позднее узнал, острая дискуссия в связи с темой диссертации аспиранта произошла впервые в истории Института. Вскоре мне растолковали, что дело здесь не во мне лично, и даже не в моей теме, а в сложных отношениях внутри институтского коллектива, где у А.А. Преображенского было немало «идейных противников», включая тех, кто, дабы «уесть» оппонента, готов был пакостить даже его аспирантам. Но я думаю, что такая трактовка инцидента со мной была всё-таки упрощением ситуации. Вместе с А.А. Преображенским мою тему на Учёном совете неожиданно стал защищать Л.М. Милов – давний и убеждённый противник Александра Александровича по проблеме «генезиса капитализма» в России. По гроб жизни буду благодарен им обоим за эту поддержку...

По мере того, как я всё больше включался в жизнь нашего «феодального» сектора, всё ближе знакомился с его сотрудниками и всё чаще общался со своим научным руководителем, я узнавал всё больше фактов биографии Александра Александровича – и от него самого, и от его коллег,

вследствие чего проникался к нему всё большим уважением и симпатией.

Напомню основные вехи его жизненного пути. А.А. Преображенский родился 18 ноября 1925 г. в г. Орехово-Зуево Московской области в семье служащих. Отец его в приснопамятном 37-м году был репрессирован – осуждён по пресловутой 58-й статье. Нетрудно понять, какие тогда это могло создавать проблемы молодому человеку.

В 1943 году из 10-го класса средней школы Александр Преображенский, обманув медкомиссию, уходит на фронт (по состоянию здоровья, из-за зрения, он не подлежал призыву) и сразу же, что называется «попадает в переплёт». Во время боёв на Курской дуге из всей их роты в живых осталось всего несколько человек, включая самого Александра Александровича, который был тяжело ранен, контужен, потом долго лежал в госпиталях и в итоге оказался на Челябинском оборонном заводе. Там он «без отрыва от производства» окончил 10-й класс (в «Вечерней школе рабочей молодёжи»), причём не как-нибудь, а с золотой медалью. А осенью победного 1945 г. Александр Преображенский становится студентом Московского историко-архивного института – нашей всеми признанной кузницы «феодалных» кадров.

Окончил его он тоже блестяще. Друзья и знакомые прочили А.А. Преображенскому аспирантуру Института истории АН СССР, об этом ходатайствовали такие маститые учёные, как Н.В. Устюгов, А.А. Новосельский, В.Т. Пашуто (в то время учёный секретарь Отделения истории АН СССР), но вместо аспирантуры подающий большие надежды историк был отправлен по сути дела в ссылку – в Красноярск, заведовать местным архивом. Видимо, аукнулась 58-я статья отца, а может быть, и нелестное высказывание студента Преображенского о директоре, переданное кем-то в соответствующие «инстанции».

В Красноярске в тяжелейших (особенно поначалу) бытовых условиях Александр Александрович вместе с молодой женой провёл три года, и не просто провёл, а на редкость плодотворно работал, ввёл в научный оборот массу уникальных архивных материалов, к которым не раз возвращался в последующей жизни.

Уезжая в Красноярск, А.А. Преображенский сказал своим друзьям, что всё равно поступит в аспирантуру, и сдержал своё слово – поступил, а в ноябре 1953 г. успешно защитил

кандидатскую диссертацию и был зачислен в штат Института истории. Что, кроме глубокого уважения, может вызвать такая целеустремлённость, такое упорство в достижении поставленной цели, невзирая на чинимые на пути к ней преграды?

Чувством глубочайшего уважения проникаешься и при воспоминаниях о деятельности Александра Александровича в Институте, ставшем в 1968 г. Институтом истории СССР АН СССР, а в 1992 г. – Институтом российской истории РАН. Он проявил себя как *величайший труженик*, не чуравшийся никакой работы, тащивший на себя такой воз всякого рода дел и поручений, какой не всегда бывает под силу и целому коллективу. Параллельно с основной (плановой) работой А.А. Преображенский выполнял обязанности учёного секретаря сектора, насчитывавшего более 30 человек (кто имеет представление о должности учёного секретаря столь большого подразделения, знает, какое в те времена это было непростое, хлопотное дело). Свыше 30 лет Александр Александрович проработал в редколлекции журнала «История СССР» (ныне – «Российская история»), из них шесть лет – с 1960 по 1966 г. – заместителем главного редактора. А после кончины Л.В. Черепнина А.А. Преображенский с 1977 по 1991 г. возглавлял сектор (позднее отдел) феодализма – работа тоже не из лёгких и не из благодарных, учитывая и численность коллектива, и довольно сложные взаимоотношения внутри его.

Тому, кто имеет представление об атмосфере в исторической науке тех лет и, в частности, в нашем Институте, для понимания обстановки в секторе феодализма достаточно напомнить его списочный состав: Т.Н. Алексинская, В.А. Артамонов, Л.К. Бажанова, И.А. Булыгин, М.Е. Бычкова, Н.А. Горская, Л.В. Данилова, Н.Ф. Демидова, А.В. Дёмкин, Е.И. Дружинина, М.М. Зайцева, А.А. Зимин, Е.И. Индова, С.М. Каштанов, А.И. Клибанов, А.В. Ковальчук, Е.И. Кольчева, С.Ю. Королёва, М.Д. Курмачева, Е.Ю. Люткина, Т.С. Майкова, Л.Е. Морозова, В.Д. Назаров, Е.Л. Назарова, Н.И. Никитин, Л.А. Никитина, Г.А. Некрасов, А.А. Преображенский, Л.Н. Пушкарёв, М.А. Рахматуллин, В.С. Румянцева, А.В. Семёнова, Н.В. Сеницына, А.Л. Хорошкевич, Е.Н. Швейковская, В.Г. Шерстобитова, А.И. Юхт.

Главной проблемой и головной болью заведующего сектором феодализма в те годы было издание трудов

сотрудников. Такого большого «портфеля» подготовленных к печати работ не имело ни одно подразделение Института, а в ежегодно составлявшихся планах редподготовки все «дореволюционные» сектора находились примерно в одинаковом положении: могли рассчитывать лишь на одну-две «позиции». Слабая полиграфическая база Академии наук не позволяла своевременно издавать труды историков, а попытки установить в издательском деле какое-то подобие очереди неизменно терпели неудачу: всегда находились более и менее актуальные работы, более и менее заслуженные сотрудники. Это порой создавало в коллективе довольно неприятные коллизии, и Александру Александровичу стоило немалых сил и нервов «разруливание» неприятных ситуаций, но он неизменно с этой задачей, так или иначе, справлялся, проявляя редкую выдержку и терпение. Кстати, мне как своему ученику он и здесь не предоставлял никаких преференций, так что моя монография, подготовленная на базе кандидатской диссертации, вышла только через 10 лет после её утверждения к печати...

Нельзя не упомянуть и такую сферу деятельности А.А. Преображенского, как членство в учёных и научных советах, а также общественную работу в целом, которую он, в отличие от многих своих успешных коллег, вёл постоянно – в качестве пропагандиста, лектора, члена партбюро и парткома, секретаря парторганизации сектора и всего Института (особенно хлопотная и ответственная в те времена должность). Как позднее, уже на закате дней, вспоминал Александр Александрович, занятиям наукой общественная работа, конечно, «не слишком содействовала» (так вот деликатно он выразился), но она «дисциплинировала, учила не отсиживаться и не отмалчиваться» и потому являлась «школой принципиальности». [1]

В этих словах – ключ к пониманию главного в характере Александра Александровича. При всей его внешней мягкости и деликатности именно принципиальность являлась отличительной чертой его и как учёного, и как человека до конца дней – принципиальность и чёткая гражданская позиция по всем вопросам, какие ставили перед ним наука и жизнь.

Среди нас были и есть талантливые, весьма уважаемые учёные, которые занимались и занимаются только «спокойными» сюжетами, не вызывающими ожесточённых

споров в обществе и острых дискуссий в науке, возделывают, так сказать, свою ниву, никому не мешая и добываясь порой на этой стезе внушительных успехов. Такой путь имеет полное право на существование, но он был не для Преображенского: Александр Александрович шёл по другому пути и до конца своих дней находился на «переднем крае» исторической науки, на острие борьбы разных её течений и идей.

Пик творческой активности А.А. Преображенского пришёлся на 60–70-е годы прошлого века, а это было время жарких дискуссий по важнейшим, кардинальнейшим вопросам отечественной истории, связанным с проблемами генезиса капитализма, природы российского абсолютизма, истории классовой борьбы, социальных и межнациональных отношений, земельной собственности в нашей стране в феодальную эпоху. Во всех этих дискуссиях Александр Александрович принял непосредственное и самое активное участие, отстаивая свою точку зрения как устно (на всякого рода симпозиумах, семинарах и конференциях), так и письменно – в журнальных статьях и соответствующих разделах коллективных трудов и монографий.

Проблемы эти и по сей день по большей части остаются до конца не решёнными, так что итоговые оценки позициям сторон давать рано. Важно их просто отметить – в любом случае они уже оставили яркий след в нашей историографии. Но в настоящее время нет особых сложностей с оценкой вклада А.А. Преображенского в разработку многих других сюжетов отечественной истории. В них, конечно, тоже немало спорных вопросов, но они не столь остры, как вышеупомянутые, и к тому же во многом решены самим Александром Александровичем, причём в ряде случаев столь убедительно, что давно стали «общим местом» историографии. Я имею в виду в первую очередь его сибиреведческие труды, особенно меня с ним сближавшие, затем исследования источниковедческого характера и публикации уникальных документов, а также историографические работы – как обобщающие, так и специально посвящённые многим представителям нашего «феодального цеха», старшим товарищам и коллегам А.А. Преображенского. В том же ряду его труды по истории Москвы и истории русского купечества. Замечу, что последнюю тему Александр Александрович начал разрабатывать в различных аспектах ещё до «Перестройки», которая быстро её

актуализировала, и дал, в частности, немало ярких портретов торговых людей России XVII века.

Нельзя, наконец, не остановиться на *стиле изложения* всех этих работ. В последнее время многие весьма уважаемые историки (В.П. Булдаков, А.К. Соколов, Ю.М. Эскин и др.) кто с тревогой, а кто и с иронией отмечают недавно обозначившуюся у своих, как правило более молодых, коллег тенденцию к злоупотреблению узкопрофессиональными терминами и новомодными (заимствованными в основном из английского языка) словечками, которые не всегда найдёшь даже в свежеизданном толковом словаре, и считают, что в работах, где приходится постоянно наталкиваемся на всякого рода «дискурсы» и «парадигмы», часто нет ничего принципиально нового, требующего использования именно такой терминологии, так что в итоге получается лишь «банальность в псевдонаучной упаковке». Ещё более строги к авторам подобных сочинений бывают исследователи, занимающиеся культурой научного текста. Так, А.В. Флоря в своём отзыве на автореферат одной из докторских диссертаций пишет: «Разумеется, в научном тексте необходимы термины – **конвенциональные**, хорошо известные и безоговорочно понятные специалистам. Но пониманию текста не способствуют иностранные “культурные” словечки (*варваризмы*), у которых есть удовлетворительные русские синонимы. Варваризмы употребляются по причине ложно понятой “престижности”, “элитарности”, а не потому, что они точнее и уместнее понятных и распространённых терминов. Считается, что текст с иностранными словами выглядит “солиднее”. Но есть и другая причина их использования... Глупости трудно выражать на родном языке, но с помощью псевдонаучных иностранных словечек – вполне можно» [2].

Гораздо проще и лаконичнее высказалась по тому же поводу М. Деревянко: «...Стиль, который автор применяет в своей книге, просто ужасен. Не уважаю людей, которые употребляют в своей речи огромное количество иностранных слов. Это ведь вовсе не от великого ума, а от неграмотности в своём родном языке» [3].

Подобные высказывания, однако, слабо влияют на обозначенную тенденцию, потому как главная её причина – это, на мой взгляд, всё же стремление к «элитарности», ставшее одним из проявлений растущей дифференциации российского общества. Она и проявляется в стремлении части наших коллег

(видимо, разделяющих концепцию «Искусство для искусства»), придерживаться доктрины «Наука для науки». Надо ли доказывать, что такая жизненная позиция была абсолютно неприемлема для А.А. Преображенского? Всё, выходящее из-под его пера, изложено ясным, образным, чётким языком, чуждым нарочитому наукообразию и вымученной усложнённости, и поэтому легко воспринимается читателем.

Писать даже о самых сложных проблемах так, чтобы написанное было доступно пониманию массового читателя – это являлось и принципиальной установкой Александра Александровича, и проявлением его особого таланта, которому, к счастью, тоже нашлось должное применение. В том числе – при подготовке школьного учебника по отечественной истории. Александр Александрович отнёсся к этой работе с очень большой ответственностью и однажды признался мне, что не было в его жизни труда тяжелей... Потому, наверное, изданный в 1985 г. при участии А.А. Преображенского учебник для 7 класса средней школы считался для своего времени одним из лучших.

Популяризации исторических знаний Александр Александрович вообще придавал большое значение и отдавал много сил. Свидетельства тому – его многочисленные статьи в газетах и журналах, целая серия научно-популярных брошюр и книг. Он, помнится, всячески поддерживал и мои усилия в этом направлении, полагая, что профессиональные историки не имеют права уstraняться от процесса формирования общественного мнения в стране и никак не реагировать на псевдонаучные «концепции» воинствующих дилетантов, затопивших своими сочинениями СМИ в «перестроечные» и «постперестроечные» годы, грубо искажая наше прошлое то ли по невежеству, то ли в угоду каким-то политическим целям. До конца своих дней А.А. Преображенский твёрдо стоял на позициях гражданственности и патриотизма и при этом ни на йоту не отступал от строго научного подхода к освещению событий и явлений. И это было вполне естественным: настоящий патриотизм не совместим с искажением или превратным толкованием исторических фактов.

Итог научной деятельности А.А. Преображенского – список печатных трудов, где в хронологическом порядке перечислены его книги, брошюры, разделы в коллективных трудах, публикации источников, статьи и рецензии. Список этот

впечатляет как разнообразием жанров, так и количеством самих работ – около 500 названий.

Счёт им должен быть особым. Ибо, в отличие от многих маститых учёных, своих современников, у которых имелась возможность всецело отдать себя науке, практически не отвлекаясь на решение бытовых проблем, у Александра Александровича такой возможности не было. Отец большого, по современным понятиям, семейства (два сына и дочь), он много времени посвящал ему. Не отличался Александр Александрович и крепостью здоровья: помимо последствий фронтовой контузии, в последние 20 лет своей жизни он страдал от столь серьёзного заболевания, как сахарный диабет. Пережил тяжёлую болезнь и кончину своей супруги – Прасковьи Сергеевны, со студенческой скамьи делившей с ним все радости и беды. И, тем не менее – 500 печатных работ... Если это не гражданский подвиг, то что же тогда – гражданский подвиг историка?...

Летят годы. В ноябре 2015 г. А.А. Преображенскому могло бы исполниться 90 лет, но судьба распорядилась иначе... Со времени нашей с ним последней встречи, последней беседы прошло уже больше 13 лет. Она происходила в его просторной, уютной квартире на Нижней Первомайской улице и врезалась в мою память так же крепко, как наша первая встреча в Институте истории СССР в далёком 1970 году. Александр Александрович уже находился на пенсии, в Институте давно не появлялся, пребывал не в самой лучшей физической форме, но не утратил интереса ни к жизни, ни к науке, мыслил по-прежнему глубоко и ясно.

Порой вспоминаются и другие наши встречи, другие разговоры. И при завершении очередной работы вдруг да и задумаешься: а как бы оценил её Александр Александрович? Что бы посоветовал?..

Уже 13 лет А.А. Преображенского нет с нами. Но... он всё-таки среди нас. Остались его труды, не теряющие научного значения. Осталась память о нём в сердцах учеников и всех, кому посчастливилось близко знать его.

Список литературы и источников

1. Преображенский А.А. Историк об историках России XX столетия. М., 2000. С. 301.

2. http://scepsis.net/library/id_3132.html
3. <http://www.knigapoisk.ru/book/403440/>